

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; rvparma@mail.ru)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ НЕДОВОЛЬСТВА В КЛАСТЕРАХ БЛАГОПОЛУЧИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования профилей пользователей социальных медиа, вовлеченных в информационные потоки общественного недовольства. Социомедийный анализ профилей пользователей произведен по выделенным кластерам благополучия субъектов Российской Федерации. На основании когнитивного картирования текстового контента определены социальные сферы, вызывающие различную степень недовольства. Результаты исследования показывают диффузный характер недовольства и локальный характер проблем на региональном уровне, доминирование ролевой пассивности, смешанное воздействие генерируемого контента на общественные настроения.

Ключевые слова: социальное недовольство, региональные кластеры, факторы недовольства, социальные сети, протестные настроения.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Постановка проблемы. Протестным действиям граждан, как правило, предшествует состояние социального недовольства. Теоретические основания недовольства в обществе рассмотрены в ряде исследований, которые выделяют различные детерминанты политических действий, выраженные в концепциях коллективного поведения, относительной депривации, общественных движений и социальных сетей [Парма 2023а]. В современных исследованиях формирование недовольства рассматривается как сложный общественный процесс, в котором выделяются политические, экономические, социальные и информационные факторы [Парма 2023б]. Результаты региональных исследований показывают, что существует сформированное недовольство экономическими разрывами, а в условиях роста экономической дифференциации имеет потенциал и рост социального недовольства [Плюшкевич 2018].

Российские исследователи полагают, что недовольство репрезентирует негативные, эмоционально окрашенные форматы взаимодействия между различными субъектами. Чувство недовольства возникает в различных контекстах: это конфликтные ситуации, целенаправленная политика, негативная информация. Одним из важных факторов, провоцирующих недовольство, исследователи считают цифровую среду социальных медиа, которые генерируют негативные по отношению к действующей власти информационные потоки. Социальные медиа стали пространством генерирования информационных потоков недовольства, обнаруживаемого посредством онлайн-мониторинга [Азаров, Лукушин, Давыдова 2022]. Целью данного исследования является выявление в российских регионах структуры и сфер общественного недовольства, находящего отражение в цифровом пространстве социальных медиа.

Методология исследования основана на структурно-функциональном подходе, позволяющем рассматривать социальное недовольство как дисфунк-

цию цифровой среды и структуру распространения протестных установок в онлайн-пространстве. Для определения групп регионов России по уровню социального недовольства (напряженности) был проведен кластерный анализ на основе статистических показателей, отражающий состояние структуры общества и общественные настроения, в числе которых доходы, долги, бедность, безработица населения, преступность, экономический рост, подушевые расходы, рейтинг влияния глав, результаты голосования за политическую партию «Единая Россия», доля интернет-пользователей и качество электронных услуг. Кластеризация регионов по характеристикам социально-политического и экономического развития выглядят следующим образом [Бродовская и др. 2022].

Кластер 1 регионов России среднего уровня социального недовольства, который оказался самым многочисленным, составили следующие регионы: республики Адыгея, Бурятия, Карелия, Коми, Крым, Мордовия, Саха (Якутия), Удмуртская; Алтайский, Красноярский, Пермский, Ставропольский, Хабаровский края; Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская область, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Ярославская области; Еврейская автономная область; г. Севастополь.

Кластер 2 регионов повышенного уровня недовольства составили республики Алтай, Калмыкия, Марий Эл, Хакасия, Чувашская; Забайкальский край; Курганская, Орловская, Псковская области.

Кластер 3 регионов высокого уровня недовольства образуют республики Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Тыва, Чеченская.

Кластер 4 регионов пониженного уровня недовольства составили Калининградская, Магаданская, Сахалинская, Мурманская области; Камчатский край; Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа.

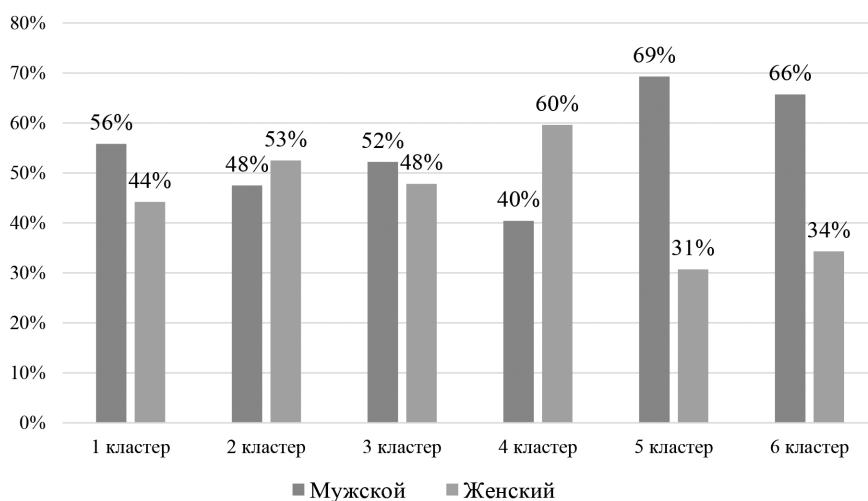
Кластер 5 благополучных регионов с самым низким уровнем социального недовольства составила г. Москва.

Кластер 6 относительно благополучных регионов с низким уровнем социального недовольства составили республики Башкортостан, Татарстан; Краснодарский, Приморский края; Волгоградская, Воронежская, Московская, Нижегородская, Ростовская, Самарская, Свердловская, Челябинская области; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Санкт-Петербург.

Для анализа социальной базы сетей социального недовольства в субъектах РФ были реализованы социально-медийный анализ и когнитивное картирование цифровых профилей пользователей, вовлеченных в информационные потоки социального недовольства в российских субъектах. Информационные потоки, репрезентирующие контент социальных сетей недовольства (измеряются с применением социально-медийного анализа, инструмент – *IQ Buzz*), – 200 тыс. сообщений, глубина аккумуляции – январь–октябрь 2022 г. В рамках когнитивного картирования содержания цифровых профилей пользователей были отобраны сообщества, генерирующие поток социального недовольства в каждом региональном кластере. Отбор осуществлен на основании технологий парсинга через применение *API*, обеспечившего выгрузку персональных страниц пользователей, соответствующих критериям

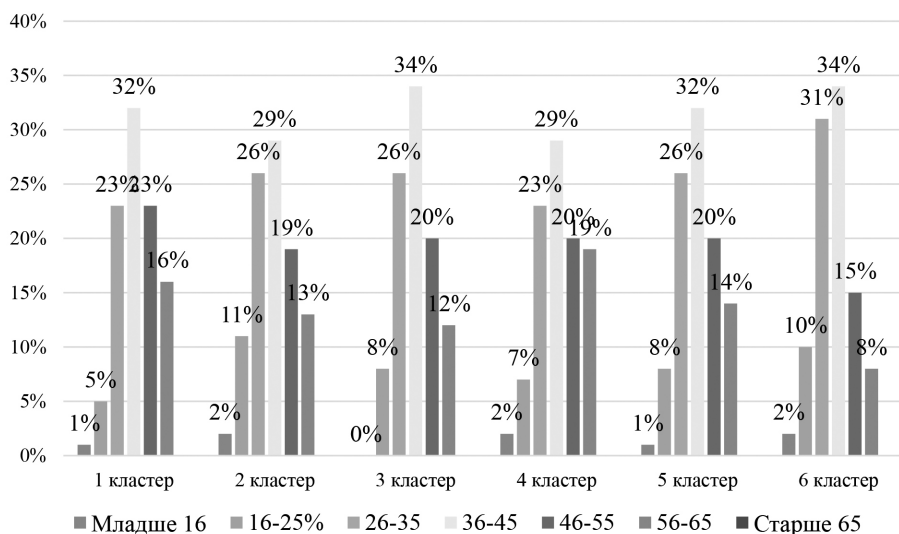
открытости страницы, наличию активности, региональной принадлежности. Полученные профили были проанализированы в соответствии с матрицей когнитивного картирования, содержащей такие переменные, как кластер, геолокация автора, тип автора сообщения, пол пользователя, возраст пользователя, дискурсы социального недовольства, целенаправленность контента и др. Для получения демографических характеристик был использован социально-медийный анализ цифрового контента, реализованный посредством выгрузок через сервис *IQ Buzz*. Датасет составил 200 тыс. сообщений. Анализ проходил по таким категориям, как возраст, пол и типы производимого контента.

Результаты исследования. Как показывает социально-медийный анализ, в первом, третьем, пятом и шестом кластерах в информационных потоках социального недовольства преобладают пользователи мужского пола, что во многом определяется теми сферами недовольства, которые характерны для регионов данных кластеров: это государственное управление, инфраструктура, аспекты транспорта и дорог, правозащитная сфера. В регионах второго и четвертого кластеров преобладают пользователи женского пола, что во многом обусловлено преобладанием в этих регионах недовольства функционированием систем здравоохранения, образования, существованием массы социальных проблем.

Рисунок 1. Гендерные характеристики пользователей, вовлеченных в потоки социального недовольства в кластерах субъектов РФ

Во всех кластерах превалируют возрастные группы 26–35 лет и 36–45 лет, что во многом связано со спецификой поднимаемых тем недовольства. Аспекты государственного управления, развития инфраструктуры, социальной политики, образования, здравоохранения определяют интерес старшей молодежи и зрелой аудитории в широком возрастном диапазоне 36–65 лет. Молодые пользователи, не достигшие 16 лет, не вовлечены в данные информационные потоки во многом из-за несоответствия их текущим интересам. Они точно вовлекаются преимущественно в аспекты, связанные с правозащитными дискурсами.

Рисунок 2. Возрастные характеристики пользователей, вовлеченных в потоки социального недовольства в кластерах субъектов РФ

Анализ цифровых профилей показывает, что региональные пользователи, относящиеся к первому и второму кластерам, преимущественно не ориентируют недовольство на конкретную сферу. У регионов третьего кластера недовольство, транслируемое в социально-медийном пространстве пользователей, направлено в первую очередь на сферу государственного управления (41,7%), что во многом связывается с уровнем недовольства в отношении действующих органов власти. Далее следует сопряженная проблема недовольства социальной политикой (16,7%), выраженная в недостаточных мерах поддержки населения. Существенное значение имеет недовольство межнациональными отношениями (16,7%), характеризующимися сложным этническим составом ряда регионов. Аспекты правовой защиты населения (8,3%) и экологические проблемы (8,3%) оказались менее выраженными. Необходимо подчеркнуть, что третий кластер включает в себя национальные республики с доминирующей долей республик Северного Кавказа, что во многом объясняет именно такое распределение триггеров недовольства из-за нерешенности существенной части инфраструктурных и социальных проблем.

Пользователи регионов четвертого кластера транслируют существенное недовольство в адрес государственного управления (25%), кроме того, формируются цифровые потоки недовольства в отношении сферы ЖКХ, правозащитной и судебной сфер, межнациональных отношений. В четвертый кластер вошли регионы, территориальное положение которых находится в существенном отдалении от федерального центра и характеризуется достаточно специфическими климатическими и инфраструктурными условиями, что и формирует обозначенные выше аспекты недовольства.

В регионах пятого кластера существенная доля недовольства сконцентрирована на вопросах, связанных с правозащитной и судебной сферой, что во многом соотносится с высоким уровнем протестного потенциала. Также выра-

женное недовольство вызывает сфера здравоохранения, проблемы в которой усугубились в период пандемии.

В шестом кластере субъектов РФ со стороны пользователей недовольство направлено на сферу государственного управления, ЖКХ и инфраструктуру. Именно эти темы наиболее часто на своих страницах обсуждают пользователи этих регионов. Как показали результаты когнитивного картирования сообщений в региональных сообществах социальных медиа, именно эти темы вызывают недовольство в субъектах из-за отсутствия конкретных решений и протраженного характера существования.

Таблица 1

Социальные сферы недовольства в информационных потоках региональных кластеров, %

Кластер / Сфера	Госуправление	ЖКХ	Транспорт, дороги	Образование	Здравоохранение	Правозащита	Экология	Социальная защита	Межэтнические отношения	Другое
1	3	0	0	3	5	0	0	3	0	87
2	0	0	4	0	4	0	4	4	0	85
3	42	0	0	0	0	8	8	17	17	8
4	25	13	0	0	0	13	13	0	13	25
5	0	0	0	0	56	44	0	0	0	0
6	78	10	8	0	0	0	0	0	0	4

В зависимости от триггеров региональных сетей недовольства для воздействия на пользователей использовались различные информационные технологии. В первом кластере преобладал смешанный тип воздействия, заключающийся в комбинации эмоциональных и рациональных приемов. Данная технология в наибольшей степени влияет на установки получателей за счет разнонаправленного одновременного воздействия. Во втором кластере складывается похожая ситуация, там более чем в 90% анализируемых профилей выделено смешанное воздействие. В третьем и четвертом кластерах преобладают аффективные технологии ценностного воздействия, что во многом обусловливается спецификой сфер недовольства. Вопросы, связанные с ЖКХ, социальной защитой населения, инфраструктурой, в большинстве случаев затрагивают аспекты жизни различных категорий граждан, что позволяет использовать эмоциональные личностные приемы. В пятом и шестом кластерах наблюдается ситуация, схожая с первым и вторым кластерами. В них доминируют смешанные приемы воздействия, что определяется и сферами недовольства, и используемыми триггерами, а также текущим состоянием дел в данных регионах.

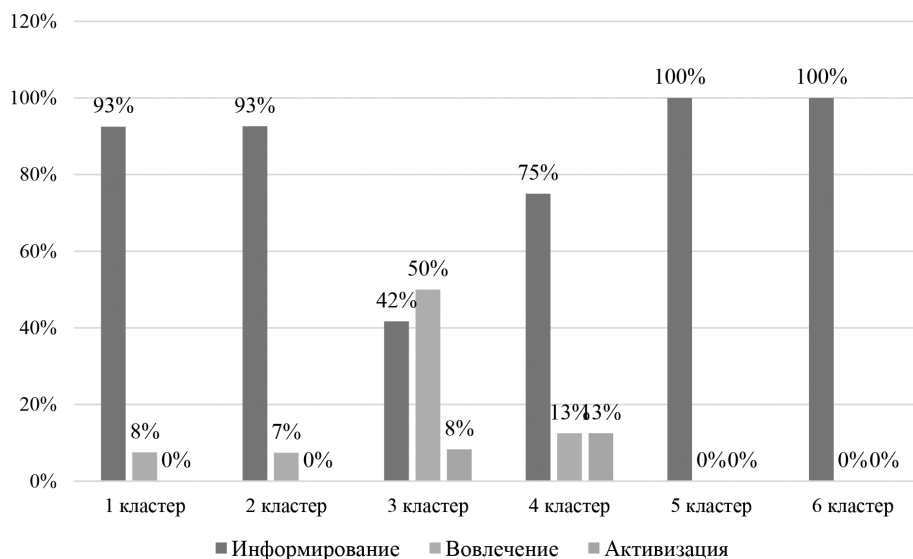

Рисунок 3. Этапы воронки мобилизации недовольства в определенных кластерах российских регионов

Переходя к форматам контента, следует отметить наличие определенного разнообразия. У пользователей первого и второго кластеров субъектов Российской Федерации преобладают изображения, в которых отражены юмористические сюжеты и информирующие фотографии, призванные проиллюстрировать появившиеся проблемы. В третьем и четвертом кластерах отмечено доминирование графических изображений, но при этом используются также текстовые и видеоформаты. Подобное разнообразие форматов во многом объясняется спецификой тем и сфер недовольства, которые характерны для регионов данного кластера. В пятом и шестом кластерах доминируют длинные текстовые форматы, которые обуславливаются и смешанными приемами воздействия на пользователей, а также спецификой генераторов контента.

Общие выводы. В целом анализ цифровых профилей пользователей в социальных медиа, транслирующих информационные потоки недовольства, позволяет сделать некоторые заключения. Во-первых, диффузный характер недовольства и локальный характер проблем на региональном уровне во многом не способствуют распространению выраженных протестных настроений. Во-вторых, в социальных сетях недовольства всех кластеров абсолютно преобладают пользователи, которые выполняют пассивную роль сторонников и зрителей. В-третьих, отмечается преимущественно смешанное воздействие генерируемого контента, что определяется эффективностью данных приемов и разнонаправленностью их влияния на пользователей.

Список литературы

Азаров А.А., Лукушин В.А., Давыдова М.А. 2022. Профилизация пользователей цифровых сетей социального недовольства в субъектах Российской Федерации. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 12. № 5. С. 105-113. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-5-105-113>.

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Азаров А.А., Лукушин В.А. 2022. Контексты социального недовольства в новых медиа российских региональных кластеров. — *Вестник Московского университета*. Сер. 10. Журналистика. № 6. С. 57-86. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2022.5786.

Парма Р.В. 2023а. Теоретические основания формирования социального недовольства. — *Власть*. Т. 31. №1. С. 116-123. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9472.

Парма Р.В. 2023б. Факторы формирования и методы измерения социального недовольства в российских исследованиях. — *Власть*. Т. 31. № 2. С. 95-101. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9545.

Плюшкевич О.А. 2018. Общественное недовольство в социальных и естественных рамках. — *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке*. № 9. С. 182-187.

PARMA Roman Vasil'evich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; rvparma@mail.ru)

SOCIAL NETWORKS OF DISCONTENT IN CLUSTERS OF WELFARE IN RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The article presents the results of a study of the profiles of social media users involved in information flows of public discontent. A sociomedia analysis of user profiles was carried out according to the identified well-being clusters of the constituent entities of the Russian Federation. Based on cognitive mapping of textual content, the author identifies social areas that cause varying degrees of dissatisfaction. The results of the study show the diffuse nature of discontent and the local nature of problems at the regional level, the dominance of role passivity, and the mixed impact of generated content on public sentiment.*

Keywords: *social discontent, regional clusters, factors of discontent, social networks, protest sentiments*

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 11.03.2024.
